

Анатолий Ким, писатель

Давно мы с ним знакомы. Очень давно. С тех пор как Дильбар Николаевна и Алексей Владимирович стали вместе жить, с тех пор мы и знакомы. И прошло много лет. Опять-таки десятилетия. Мы часто встречались, потому что Дильбар Николаевну сюда, в эти края привез я.

Она приехала в мою деревню Немятово, где я жил тогда, брать у меня интервью. Она была, ну вы знаете, в «Сельском часе» ведущей.

Я сказал, что есть прелюбопытный человек, егерь такой. Значит, с кем я дружу. Ну и у него там края по-настоящему лесные.. Ну, короче, я заинтересовал ее, и мы поехали. Я на своей Ниве ее завез сюда. И ей действительно здесь очень понравилось. Тогда она еще не была замужем за Яблоковым. Прошло опять несколько лет, и уже она стала его супругой. И они вместе уже сюда стали приезжать.

И вот с тех времен я с ними встречался время от времени. Уже не по делам, телевидения, а просто частным образом, как уже соседи.

С Алексеем Владимировичем у нас сначала не завязалось никакой ни дружбы, ни любопытства особого. Я считал, что это высокая наука, и эти там... регалии у него. А я был всегда таким несколько нонконформистом во всем. Мне не хотелось в эти круги там, не хотелось друзей таких. Вот у меня друг егерь, Иван Иванович. Он был гораздо для меня интереснее, чем Яблоков. И так прошло довольно много лет. Я когда приезжал сюда, он так «здрасьте-здрасьте» и проходил в свои хоромы-то, апартаменты. У него там был, этот самый, интернет. Все время работал, он деловой.

И вот однажды случилось нечто. У нас появился общий знакомый. У Дильбар Николаевны и у меня. Это кинорежиссер Проскурина Светлана. Мы поехали к ней. А я как раз давал интервью по поводу своего нового романа «Радости рая». И в «Литературной газете» было вот такое вот на разворот большое интервью.

Вопросы составила, это я теперь узнал, Марина Кудимова. То есть были очень хорошие вопросы. Я дал такое философское интервью. Непростое. Со многими там... может быть, не поднимавшимися никогда проблемами, тезисами, выводами.

Одним из главных было, что «времени нет». Время не субстанционально, время не обладает ни массой, ни протяженностью, его измерить ничем нельзя. Стрелки, которые крутятся на часах – это не измеряет никакого времени. И вообще времени просто нет.

И вот потому что время ниоткуда никуда не течет. Откуда оно течет? И куда течет? В лес? То есть, безначально и бесконечно. Вот. Но если есть учет времени в науке, то это чисто применительно к какому-то моменту экзистенции человеческой. Только лишь.

Уезжая к Проскуриной, я оставил Алексею Владимировичу эту вырезку из «Литературной газеты», ну, и уехали.

И Дильбар Николаевна позвонила оттуда, что он делает, Он сказал: «Я жду Анатолия по поводу его интервью».

Мне было это удивительно, потому что раньше ни о чем мы не говорили друг другу. То есть у нас не было серьезных разговоров. Даже тем, подходов не было.

Говорю вам со всей скромностью такой. Великой скромностью. Короче говоря, эти стороны наши друг друга не касались. Я его открыл по-человечески. Этот человек, он как мальчишка.

Однажды говорит: «Анатолий Андреевич, - а я еще по первому образованию должен был стать художником, я учился в московском училище памяти 1905-го года, он говорит – что такое вот живопись, акварель?» А я говорю: «Надо взять краски, кисти и писать то, что вы хотите».

И он написал. Он просто взял яблоко. Поместил его просто, не в среду, не на плоскость, просто взял его на белом фоне и... Но очень живописно и, как говорят, как живое яблоко. Вы можете в своем фильме о нем показать его первую и последнюю работу акварелью.

То есть он был таким же увлекающимся, каким бывают дети... во всем. И в моей философии бессмертия, которую я, как говорится, раскрыл перед всем миром в своем романе «Радости рая», он ее тоже воспринял. Не через ощущения романа, а через статью. Чисто вот интеллектуально. Воспринял тоже очень глубоко и серьезно.

Я ведь бессмертие пишу не через два «С», а через «без»- смертие. То есть, есть «бессмертие» – понятие, что бесконечное количество лет человек живет и это и есть бессмертие, да. У меня это совершенно не так. Смерть существует, она приходит в урочный час, и не зачем даже против этого возражать, потому что это закон обновления. А «безсмертие» - это то, что постигается человеком во время жизни до смерти своей. И «безсмертие» - это то самое открытие внутреннее, которое приобщает его к вселенскому, вечному, к вечности вселенской. И еще это «безсмертие» открывает в человеке законы, по которым существует вся Вселенная. То есть, Вселенная существует, потому что там есть закон, гравитационный закон. Тот самый закон, который не дает сталкиваться, он бросает, как говорится, друг другу навстречу небесные тела, и они не сталкиваются, а начинают вращаться по орбитам.

И вот то, что заставляет вращаться по орбитам, это и есть закон, по которому существует Вселенная. И этот закон должен существовать и в Человечестве.

Вот. И это постигается осознанием. «Безсмертия». Но не достигается бессмертие, которое мы все представляли до этого. И вот как раз именно об этом я так полусхуточно говорю: «Алексей Владимирович, я сегодня создаю клуб бессмертных. Я, как создатель клуба, являюсь президентом клуба, но у меня еще нет ни одного члена». Он говорит: «Я буду первым!»

У меня в Южнокорейском посольстве состоялось, ну как бы сказать, такое торжество. По поводу вручения высшего ордена Южной Кореи. Ордена, который выдается только президентам или главам иностранных держав. Но почему-то мне тоже его выдали с такой номинацией «за содействие миролюбия и долгоденствия между народами». Вот такая формулировка была через литературу за идеи, которые развивают миролюбие, укрепляют миролюбие и

благоденствие народов. Вот такая странная номинация. И это торжество проводилось в Корейском посольстве.

И вот там принародно я сказал, что я создал, значит, такой клуб «бессмертных», первым членом у меня является Алексей Владимирович Яблоков. И тут все, значит, «мы тоже хотим!» Я говорю: «Да, да. Все, кто сегодня присутствует, могут являться членами. А билет члена, членский билет вы можете купить у меня тут». Правда, там продавалась моя книга «Радости рая». Ну, такая была хохма общая. Но тем не менее он где-то даже всерьез на меня обиделся: «Что же вы так вот. Объявили, что это, говорит, клуб такой закрытый, а вы всех приняли! Ну как это так?»

И мне сейчас так вот.... ну, просто нет места уже без него, понимаете? Вот такие вот замечательные были у у меня с ним встречи. А когда я пришел к нему на похороны, я услышал, как будто о другом человеке говорят! Вот он то-то сделал, вот он то-то сделал, вот он написал, вот он там защитил что-то. Я лишь стал узнавать о его жизни на похоронах его.

Как вот получается так, что встречается такой человек, и чем это вроде заслуживается, я не знаю. Также точно я не знаю, в чем мы могли бы дополнять друг друга. Мы были настолько разные с ним, да. Настолько каждый из нас был самодостаточным. Все у нас было при мне. Все мое: и литературные, и художественные, и все мои книги, которые написаны, которые там, разошлись по всему миру. Это абсолютно было самодостаточным.

Точно также и он был абсолютно самодостаточен. На своем месте ученого, общественника, философа от науки и так далее.

Я его очень романтично представлял почему-то. Ученый муж, похожий на норвежского пирата.

И я был поражен тем, что некоторые любительские философские вещи он воспринял так серьезно, так по-научному обосновал всю эту серьезность своего восприятия, что мне самому стало ясно, что у меня там все очень серьезно. Короче говоря, мы с этой вот статьи, с этого вечера почувствовали друг к другу огромную-огромную симпатию, узнавание. Вот я, например, всю философию воспринимаю через чувственное восприятие жизни. Оказалось, что он тоже такой же! И когда он сказал, какие у него есть труды, что

он занимался дельфинами... Когда он сказал, что дельфины, знаете, немножко так смущенно сказал: «Вы знаете, дельфины занимаются сексом как люди в свое удовольствие, а не для того чтобы...». Понимаете, вот уже два пожилых, уже седых человека, и тут такая тема... И не знает каждый, как другой воспримет это.

В общем мы с ним по-человечески просто стали узнавать друг друга. Чисто по-человечески. И регалии его, они мне совершенно не были известны. Мои регалии ему тоже не известны, ему и не интересны. И вот потом, когда мы с ним уже так хорошо задружились, я ему подарил свою большую книгу - последний свой роман «Радости рая». Он мне подарил свою большую книгу «Чернобыль». Огромная, толстая книга, которая вся состоит из выписок из статей, из таблиц, из графиков. Я знал, что он не читает, ему некогда читать. И в такие всякие сложности художественные входить. Я ему подписал: «Дарю книгу, которая никогда не будет прочитана». Он в ответ мне подарил «Чернобыль» и сказал: «я тоже дарю вам книгу, которую вы никогда не прочитаете».

И мы с огромным, как говорится, уважением, с юмором смотрим на это.

В общем, как-то по-симпатичному мы отнеслись друг к другу.

Я его раскрыл как человека, который обладал там какими-то отзвуками для меня большого такого научного ореола.

Это были отношения людей, которые очень поздно, очень поздно узнали дружбу между собой. Я бы хотел с таким человеком дружить всю жизнь. А судьба выдала мне эту дружбу последние там года четыре или пять.

Я считаю, что среди мировых человеческих рангов – ранжиров, он на уровне Бодхисаттвы. Кто такой Бодхисаттва? Это кто действует. Архат – это который познает и мудрствует. А Бодхисаттва... Вот он такой. Он для меня на уровне Хлебникова. Он для меня... Я бы сказал, что есть такие вот Махараджи в Индии.

Он святой какой-то. Святой. Но святой не по конфессии, не по религии, а вот потому, что занимает место такого ученого, который не создает какие-то теории, читая другие книги, другие книги, потом компилируя, что-то такое свое привнося и толкая дальше эту

самую науку, да? Нет. Он сначала и до конца, как я его уже понял, он жадно проникал в эту жизнь. Он чувственно ее воспринимал. И от этого чувственного отношения к жизни он становился ученым. Понимаете? Это совсем другое. И такой человек мне страшно интересен. Несколько человек у меня было таких как он. Это Смоктуновский Иннокентий Михайлович, с которым я дружил 20 лет. Он мой крестный. Он крестил меня в православии. Потом у меня был такой друг – переводчик литературы художественной... Николай Михайлович Любимов. Он перевел «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, Сервантеса «Дон Кихот», «Декамерон» Боккаччо. Он перевел шесть томов Марселя Пруста. Это гениальный совершенно переводчик. Он настолько большой мастер в литературе. Нет ему равных. Он древних итальянцев переводил так, что нюхом чувствуем этого древнего итальянца. Знаете, свобододолюбивого, сладострастника и так далее.

Я ищу такие встречи. И Бог дает их мне. Одним среди этих вот для меня святых людей, людей высшего духовного качества, людей, которые через свою духовность становятся бессмертными, таким же был для меня и Алексей Яблоков.

Где «ученый» не значил самое главное. Где регалии были ничто по сравнению с его, знаете, каким-то универсализмом восприятия и жизни, и современности и так далее.

Вы знаете, это человек, которому я задавал такие вопросы в поисках чего-то более существенного, чем все эти известные ценности жизни. В частности, я у него спрашивал, как он относится к тому, что называется ноосферой.

То есть, сферы вот этой вот, что внес человеческий разум. Это не выросло из земли, и не было на белом свете. Это внутри нашего сознания получилось. Вот это и есть ноосфера. И вроде бы она должна привести нас к прогрессу и к какой-то свободе, ну, к каким-то лучшим качествам материальным бытия. Но, глядя на то, что во всем мире творится, глядя на печальную участь всякой вот гуманистической мысли. Наряду с тем, что растет чудовищная несправедливость при распределении просто этих денежных масс среди людей и всего прочего материального, да. Когда видишь политические неблагополучия устройства нашей жизни, несмотря на то, что ноосфера обеспечена изумительными открытиями, но

нет как бы прогресса в чем-то главном. Понимаете? Я у него спросил: «Как вы считает, эта ноосфера, пафос ее появления - к чему она приведет?» Вы знаете, его ответ меня поразил. Он сказал: «Я не вижу положительного исхода ноосферы, я не вижу, что у нее есть какая-то цель, куда она нас приведет, благая цель». Я говорю: «Ну как же так? Ведь копится много всего замечательного. Много энергии там собирается». Он говорит: «Да дело-то не в этом. Дело в очень простых вещах, в загрязнении, например. Я вот ученый, почему я, - говорит, - занялся экологией? Я хочу хоть что-то делать, а не просто смотреть, как погибает человек невидимыми путями».

Я говорю: «Ну, какие же это пути, скажи»

«Ну, это, говорит, например, атомная энергетика». Чтобы заниматься атомной энергетикой или создавать ядерное оружие, нужен радиоактивный Плутоний. Это его слова. Значит, Плутона в естественном виде на всей планете должно быть всего несколько килограммов. Несколько килограммов. А искусственного Плутона мы создали уже много тонн. И искусственный Плутоний, он не разлагается. Он полторы тысячи лет распадается.

И его копится все больше и больше. А Плутоний это как раз то, что губит жизнь невидимым образом. Вот поэтому я, как ученый, вижу, что такая ноосфера, которая создала такие вот вещи как искусственный Плутоний, создала ядерную энергетiku и оружие, она не может иметь будущего».

Я был так поражен пессимизмом этого яркого, такого, знаете, вот ученого гуманиста, эколога! Господи! Я впервые увидел, что такой есть ученый, философ, очень большой такой активный гуманист, у которого такие самые пессимистические взгляды на будущее человечества.

И для меня стало ясным, что он не был так открыт, как для меня был. И это дает мне, знаете, такое большое-большое чувство гордости, что опять-таки именно я был избран, чтобы вот узнать такого человека. Ну, и в то же время я понимаю, как это жалко, что мы раньше не встретились!

Я думаю, что между нами настоящая такая любовь вспыхнула, такая высокая. Та самая любовь, которая в христианстве является главным законом ее, значит, в учении. Любовь, природа это любовь. Я в своих книгах ввел вот эту любовь человеческую и христианскую и связал ее законами природы. Вселенная

существует благодаря этому закону любви, который заставляет звездные тела не сталкиваться, а обращаться по шадящим орбитам.

«По морям, играя, носится
Миноносец с миноносицей».

Так, по моей памяти, по молодости, когда я еще очень много читал Маяковского, это один из таких образов торжествующей мощи на передовом рубеже технического торжества. Миноносец и миноносица.

И вот, вы понимаете, эта пара: Яблоков и Дильбар Николаевна Кладо. У меня вот представлялись в этом мире, ну, в начале их союза, когда я их видел, вот именно с морем нашим, с солнцем. Как вот именно самые мощные такие вот фигуры, да. Мощные фигуры, олицетворяющие большую социальную силу, значимость. Именно как миноносец с миноносицей.

Это люди самые такие уверенные - заслужено успешные - заслужено, как бы сказать, вызывающие любование собой. Как вызывали у меня лично восхищение и любование эти именно военные корабли.

Они казались таким олицетворением неуязвимости, мощи, вот, и такой, как бы сказать, торжества вот этой нашей современной жизни. И вот этот образ у меня еще долго был. Наверное, был. Почему я и вспомнил об этих стихах. А вспомнил я их уже после того как он ушел. Миноносец ушел, и одна осталась Миноносица. Самые мощные не значит, самые вечные, самые устойчивые, самые неуязвимые.

Была парочка Миноносец-Миноносица. Вот. Они по морям резвились, да, носились. И вот уже такое положение, когда нет Миноносца, а есть одна Миноносица. И я увидел в новом доме, где он. Рядом с нами. Вот он! Я увидел, что все в порядке: Миноносец тоже носится по-прежнему рядом с Миноносицей. Это я увидел в том, что Миноносица из моря вольного, из социумно-свободного моря перенеслась, как говорится, преодолев их разлуку роковую, да, она перенеслась в другое море. Очень такое замкнутое, интимное. Но вот это вот, когда они вместе носятся, красиво дополняя друг друга, это осталось вот в этом доме, в интерьере.

В том, как Миноносица собрала его все научные регалии. Такого образцового хранения архива я нигде не видел. Извините, может, в анналах государственной библиотеки имени Ленина есть такие. Я этого не видел, я туда не ходил, туда никого не пускают, а вот в этом доме я увидел, как сохранены его труды. Его архив. В сотнях папок. В этих вот, знаете, набитых вот этими рукописями!

Я сразу представил: какая гора работы. Его не стало, но сохранился его, значит, дом, в котором все его труды не исчезли. Они собраны уже в другом виде на многие поколения будущего человечества.

Вот такую образную картину я вчера, собственно говоря, и увидел.

В обновленном новом доме, где раньше было все не так. А вот сейчас, когда ушел этот Миноносец, все стало по-другому. И это все, что стало по-другому, сохраняет его присутствие. Понимаете?

Он не ушел совсем. Он, знаете вот, притворился в такое, я бы сказал, такое человеческое, такое разумное, прекрасное хранилище всей его значимости. То есть, Миноносец сохранился. Но в другом виде. Другая ипостась.

Не знаю, что будет дальше. Но очевидно, что все усилия Дильбар Николаевны к тому, чтобы значение и значимость трудов Яблокова, его миссия на этой земле была как-то собрана, скажем так, сконцентрирована и подана, как говорится, будущему вот в таком подлинно сохраненном виде. Вот это замечательный подвиг. Не только для себя, совсем не для себя, а для будущего человечества.